

Анна Шилд
Ада Огнева

ПОДЧИНИТЬСЯ
БОССУ

18+

Ада Огнева

Подчиниться боссу

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Подчиниться боссу / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Я подала заявление об уходе, решив наконец вырваться из-под власти Дениса Шахова. Он не отпустил: вывез меня в горный комплекс перед снежной бурей и объявил, что теперь я под его защитой. Снаружи метель, внутри — босс, который требует подчинения, будто я уже принадлежу ему. Чем сильнее я сопротивляюсь, тем труднее игнорировать его прикосновения. Но опасность за окнами не ограничивается непогодой. Когда враги находят нас, мне приходится выбирать: довериться мужчине, от которого я собиралась бежать, или проверить, насколько страшны его тайны.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Шилд

Подчиниться боссу

Подчиниться боссу

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Стеклянная башня «Шахов Плаза» на сорок пятом этаже едва ощутимо вздрагивала под натиском ледяного ноябрьского циклона. За колоссальными панелями панорамного остекления бушевала белая круговерть: мегаполис внизу превратился в размытое, тонущее в сугробах пятно, где редкие огоньки фар казались светляками на дне замерзающего океана.

В приемной генерального директора стояла гулкая, напряженная тишина. Рабочий день завершился час назад. Секретари, аналитики и начальники департаментов покинули этаж еще до объявления экстренного штормового предупреждения. Осталась лишь она одна.

Алина Захарова стояла посреди пустого холла, чувствуя, как холодный воздух кондиционера касается ее открытой шеи. Тонкие пальцы до боли сжимали плотный конверт из тисненой слоновой бумаги. Внутри лежал один-единственный лист: заявление об увольнении по соглашению сторон без обязательной двухнедельной отработки. Рядом в сумке лежал встречный документ — подписанный оффер от независимого венчурного фонда «Альта-Капитал», где ее ждали в понедельник к девяти утра.

Два года. Семьсот тридцать дней непрерывного балансирования на краю раскаленного жерла вулкана. Два года она вела дела «Шахов Групп», держала в идеальном порядке графики закрытых сделок, визировала миллиардные контракты и выдерживала тяжелый, прожигающий взгляд человека, перед которым замирали правительственные чиновники и маститые олигархи. Но последние три недели этот взгляд изменился. Он перестал быть взглядом требовательного руководителя. В серых, стылых зрачках Дениса Шахова проснулся первобытный, голодный зверь, от присутствия которого у Алины перехватывало дыхание, а сердце срывалось в паническую тахикардию.

Она знала: если не разорвать эту удавку сегодня, завтра пути назад уже не останется.

Алина глубоко вздохнула, расправила плечи и сделала шаг вперед. Гладкая подошва модельных туфель бесшумно утонула в густом ворсе ковролина. Высокие двустворчатые двери из мореного дуба были приоткрыты. Из кабинета струился приглушенный теплый свет настольной лампы из дымчатого кварца.

Денис Шахов стоял у панорамного окна спиной к двери. Его мощная, хищная фигура темным силуэтом выделялась на фоне бесновавшейся за триплексом метели. Сто девяносто сантиметров литых мышц, разворот широких плеч, затянутых в сорочку оттенка мокрого асфальта. Рукава были небрежно закатаны до локтей, обнажая мускулистые предплечья с темной паутиной вен. В правой руке он держал тяжелый хрустальный рокс: янтарная жидкость двенадцатилетнего торфяного виски лениво омывала кубики прозрачного льда.

В воздухе витал его неизменный запах: горьковатый сицилийский бергамот, дорогая кожа, холодная хвоя кедра и терпкие ноты элитного табака. Запах абсолютной, подавляющей власти.

Алина остановилась в трех шагах от массивного рабочего стола, сложенного из цельной плиты черного гранита с латунными врезками.

— Денис Андреевич. — Алина дождалась, пока он повернет голову. Заученное обращение помогло произнести остальное: — Прошу прощения за поздний визит.

Шахов не обернулся. Он сделал глоток виски. Хрусталь глухо звякнул о зубы.

— Ты еще здесь, Захарова? — его низкий, густой бархатный баритон с привычной властной хрипотцой заполнил кабинет, отразившись от каменных стен. — Метеослужба закрывает выезды из города через сорок минут. Я велел охране отправить всех по домам.

— Мне необходимо было передать вам документы лично, — Алина шагнула ближе и опустила конверт на полированный камень столешницы, прямо в круг теплого света кварцевой лампы. — Мое заявление. Прошу расторгнуть договор по соглашению сторон. Я приняла решение покинуть холдинг. Дела полностью систематизированы, архивы с электронными ключами находятся на сервере в закрытой папке. Мой заместитель готов принять полномочия с понедельника.

Тишина, повисшая в помещении, стала осязаемой. За окном с глухим воем ударил шквал ветра, швырнув в стекло пригоршню ледяной крупы.

Шахов медленно опустил бокал на полированную латунную подставку. Медленно, с ленивой грацией сытого леопарда, он развернулся всем корпусом.

Его лицо с резкими, вырубленными из камня скулами и двухдневной темной щетиной оставалось бесстрастным, но в серых глазах зажглось штормовое, опасное пламя. Взгляд метнулся к конверту, затем скользнул по фигуре Алины: строгое графитовое платье-футляр, плотно облегающее тонкую осиную талию и волнующие линии бедер, белоснежный строгий воротник, пепельно-русые волосы, собранные в тугой идеальный узел и заколотые серебряными шпильками. На бледных щеках горели лихорадочные пятна румянца.

Денис сделал три неслышных шага, приблизившись к столу. Оперся костяшками пальцев о гранит; край конверта оказался между его руками.

— Заявление? — протянул он почти ласково, но от этого тона мороз пробежал по позвоночнику Алины.

Он протянул руку, подцепил конверт длинными смуглыми пальцами. Вскрыл его одним скупым движением, извлекая белоснежный лист. Он проверил дату и задержался на аккуратной подписи внизу. Алина заметила, как угол листа прогнулся под его большим пальцем.

Затем Шахов поднял взгляд. Его зрачки сузились, превратившись в две ледяные точки.

Глядя ей прямо в глаза, Денис взял бумагу обеими руками.

Сухой, звонкий треск разрываемой целлюлозы прозвучал в тишине кабинета подобно пистолетному выстрелу. Лист распался на две равные половины. Шахов сложил их вместе, перехватил пальцами и порвал снова. И еще раз. Белые обрывки посыпались на полированный черный гранит, усеивая его подобно первому декабрьскому снегу.

В груди Алины вспыхнула жаркая, неудержимая волна ярости. Вся ее выдержка, которую она бережно выстраивала эти два года, треснула по швам.

— Что вы себе позволяете?! — голос сорвался, звеня неприкрытым гневом. — Это официальный документ! Вы нарушаете трудовое законодательство! Я не нанималась к вам в крепостные!

— Законодательство? — Денис криво усмехнулся, шагнув из-за стола.

Алина попыталась отступить к выходу, но среагировать не успела. Шахов в одно мгновение преодолел разделявшее их расстояние. Его массивная тень закрыла свет кварцевой лампы. Она попятилась, но тут же уперлась поясницей в тяжелый край гранитного монолита. Бежать было некуда.

Денис шагнул вплотную. Опустил ладони на столешницу по обе стороны от ее бедер, намертво запирая девушку в кольцо своих мускулистых рук.

Жар его тела обжег даже сквозь плотную ткань платья. Алина запрокинула подбородок, глядя снизу вверх в его потемневшее, хищное лицо. Расстояние между их губами сократилось до жалких десяти сантиметров. От него пахло виски, морозом, горьким табаком и концентрированной мужской угрозой. Ее сердце колотилось где-то в горле, ударяя в ребра тяжелыми, паническими толчками.

— Слушай меня очень внимательно, Захарова, — его голос понизился до глухого рокота, вибрирующего прямо в ее грудной клетке. — Ты никуда отсюда не уйдешь. Твой трудовой контракт продлен на один год моим единоличным решением. С завтрашнего дня твой персональный оклад умножается на три.

— Мне не нужны ваши подачки! — Алина стиснула кулаки, упираясь взглядом коньячных глаз в его стальные зрачки. — Вы не можете купить человека, Денис Андреевич! Я подписала контракт с независимым фондом «Альта-Капитал». В понедельник я приступаю к обязанностям руководителя аппарата правления. И если вы попытаетесь препятствовать...

Шахов тихо, хрипло рассмеялся. Звук его смеха был полон неприкрытого, ядовитого превосходства.

Он подался вперед еще на пару сантиметров. Его грудь почти коснулась вздымающейся груди Алины. Кончик его пальца скользнул по ее шее, коснувшись натянутой пульсирующей жилки под челюстью, оставляя за собой след обжигающего пламени.

— «Альта-Капитал»? — протянул он с ленивой усмешкой. — Артем Воронцов? Мальчик возомнил себя крупным игроком? Какая трогательная наивность, Алина. Ты действительно полагаешь, что я позволю тебе уйти к моим конкурентам?

— Это честный открытый рынок! — выдохнула она, стараясь не дрожать от его пальцев, все еще лежащих на ее горле.

— Рынок здесь определяю я, — отрезал Шахов, и в его голосе зазвенела обнаженная сталь. — В понедельник утром в департамент банковского надзора уходит аналитическая записка моей службы безопасности. В ней подробно расписаны все серые схемы Воронцова по выводу капитала через кипрские офшоры за последние три квартала. Один мой телефонный звонок заместителю председателя Центробанка — и к обеду лицензия «Альта-Капитала» будет отозвана. А к вечеру Воронцов будет сидеть в кабинете следователя следственного комитета.

Алина замерла, чувствуя, как ледяная волна ужаса прокатывается от затылка к кончикам пальцев. Кровь отхлынула от ее лица.

— Вы... вы блефуете, — прошептала она пересохшими губами. — Вы не станете топить целый фонд только из-за ухода рядового помощника.

— Ты никогда не была рядовой, Алина. И ты прекрасно это знаешь, — Денис наклонился к самому ее уху. Его дыхание обожгло мочку, жесткая щетина царапнула нежную кожу виска. — Проверь меня, Захарова. Сделай шаг за эту дверь. И в понедельник ты увидишь, как рушится бизнес твоего нового покровителя. Ты готова взять на себя ответственность за судьбы полусотни сотрудников, которых выбросят на улицу с волчьими билетами?

Она смотрела на него снизу вверх, задыхаясь от бессильной ярости. Перед ней стоял безжалостный титан, для которого чужие жизни, карьеры и принципы были лишь разменной монетой на шахматной доске. И самое страшное заключалось в том, что он не лгал. Шахов уничтожил бы фонд Воронцова не моргнув глазом — просто чтобы доказать свое абсолютное право на нее.

— Какое же вы чудовище, — процедила она сквозь зубы, чувствуя, как в уголках глаз закипают злые слезы. — Господи, как я вас презираю.

— Прекрасно, — Денис довольно оскалился, обнажив ровный ряд белых зубов. — Ненависть — отличное, сильное чувство. Она держит в тонусе лучше любого кофеина.

Он отстранился, разорвав удушающее кольцо рук, но прежде чем Алина успела отшатнуться, его широкая ладонь молниеносно метнулась вперед, обхватив оба ее тонких запястья. Его пальцы сомкнулись на ее руках подобно стальным наручникам.

— Пустите! — дернулась она.

— Хватит истерик, Захарова. Время разговоров вышло, — Шахов легко, без видимых усилий притянул ее к себе, заставляя сделать шаг вперед. — Твое пальто и сапоги уже внизу. Твой дорожный чемодан служба безопасности забрала из твоей квартиры сорок минут назад.

— Что?! — у Алины перехватило дыхание. — Вы вломились в мою квартиру?!

— У начальника моей охраны есть универсальные ключи от всех служебных апартаментов холдинга, дорогая. Ты сама подписала согласие при оформлении социального пакета, — он усмехнулся, глядя на ее пылающее от негодования лицо. — Мы выезжаем на внеплановую инспекцию высокогорного комплекса «Северный пик». Срочный аудит перед финальным раундом сделки с Германом Кроном. Твоя прямая обязанность — вести протокол и проверять финансовую документацию объекта.

— На улице девять баллов шторма! Объявлен красный уровень тревоги!

— Для моей машины шторма не существует, — отрезал Шахов, разжимая пальцы. На белой коже запястий Алины остались яркие красные следы от его захвата. — Спускайся на минус второй уровень паркинга. Первая секция, черный внедорожник. Либо ты идешь сама на своих шпильках, либо я перекину тебя через плечо и понесу мимо оставшихся охранников. Выбирай.

Алина сжала зубы так, что заболели челюсти. Дрожащими руками она поправила подол платья, бросила испепеляющий взгляд на рассыпанные по гранитному столу обрывки своего заявления и, высоко вздернув подбородок, зашагала к выходу из кабинета.

Глава 2

Подземный паркинг на минус втором уровне башни встретил их сырым сквозняком, запахом машинного масла, свежего бетона и раскаленных тормозных колодок.

Черный матовый Mercedes-Maybach GLS 600 урчал на холостых оборотах в первой секции у лифтового холла. Возле открытого багажника замер начальник службы безопасности Игнат — коренастый, плечистый мужчина в черном тактическом бушлате. Увидев Шахова и идущую за ним Алину, безопасник лишь молча кивнул, захлопнул тяжелую крышку багажного отсека и отступил в тень колонны, протягивая боссу связку ключей с массивным брелоком.

Алина скользнула взглядом по багажнику: там действительно лежал ее аккуратный кожаный чемодан лавандового цвета, который еще утром стоял в прихожей ее служебной квартиры на окраине. Чувство полной незащищенности и бессилия перед всепроникающим контролем Шахова стиснуло горло ледяным обручем.

— Садись, — бросил Денис, распахивая перед ней тяжелую переднюю дверь.

Бронированное стекло толщиной в четыре сантиметра блеснуло фиолетовым антибликовым отливом. Алина села на широкое кожаное кресло, подобрала полы своего шерстяного пальто и демонстративно отвернулась к запотевшему стеклу.

Дверь захлопнулась с глухим звуком корабельного шлюза, отсекая все звуки внешнего мира.

Денис обошел капот, сел за руль и мягко тронул машину с места. Тяжелый трехтонный внедорожник плавно скользнул по наливному полу, миновал автоматический шлагбаум и вырвался по крутому пандусу на поверхность.

На улице творился настоящий хаос. Ноябрьский шторм разошелся не на шутку. Снежные заряды с чудовищной силой хлестали по асфальту, превращая проспекты в ледяное месиво. Общественный транспорт замер: длинные вереницы автобусов с включенными аварийками

выстроились вдоль занесенных обочин. Редкие такси беспомощно буксовали на перекрестках, шлифуя лед стертой резиной.

Однако для флагманского броневика Шахова законы городской стихии словно не действовали. Обутый в широкую шипованную резину внедорожник вспарывал сугробы мощным стальным бампером; застрявшие такси одно за другим оставались позади. Денис вел машину поразительно легко: пальцы левой руки небрежно лежали на кожаной оплетке руля, правая покоилась на селекторе коробки передач.

Внутри салона царила абсолютная, давящая тишина звукоизолированной капсулы. Из скрытых дефлекторов струился прогретый воздух с легким ароматом черного мадагаскарского перца, амбры и дорогой замши. Скрытая AMBIENTная подсветка заливала салон приглушенным кроваво-рубиновым свечением. Негромко, едва слышно шуршал глубокий контрабас скандинавского джаза.

Алина сидела неподвижно, до побелевших костяшек сжимая ремешок своей сумочки. Ее трясло. Внутреннее напряжение последних часов, дикий выброс адреналина в кабинете и страх перед абсолютной непредсказуемостью мужчины рядом давали о себе знать: мелкая, противная дрожь сотрясала колени и плечи.

Они миновали МКАД и свернули к частному терминалу аэропорта. Только здесь Алина поняла, что «Северный пик» — вовсе не подмосковный объект: на освещенном перроне их ждал самолет холдинга.

Перелет на юг занял больше двух часов. Алина просидела его у иллюминатора, сжимая сумочку на коленях; Шахов напротив отвечал на короткие звонки. На аэродроме у предгорий Кавказа их встретил второй бронированный внедорожник. Водитель перенес багаж, отдал Денису ключи и остался у трапа.

Когда последние фонари аэродрома исчезли позади, впереди осталась только дорога к закрытой резиденции «Северный пик».

Денис скосил глаза на пассажирское сиденье. Его взгляд зафиксировал дрожащие пальцы Алины и ее неестественно прямую, зажатую спину.

Не говоря ни слова, он протянул руку к центральной консоли и провел пальцем по сенсорному экрану, выкручивая подогрев ее кресла на максимум.

Спустя полминуты сквозь плотную ткань пальто и юбки стало пробиваться концентрированное, густое тепло. Кожа сиденья под ее бедрами и поясницей стремительно нагревалась, разгоняя сковавший мышцы холод.

— Дрожишь как пойманная птица, — негромко произнес Денис, не отрывая взгляда от полосы метели, разрезаемой мощным матричным светом фар. — Расслабься, Захарова. Я не кусаюсь. Пока ты не начинаешь делать глупости.

— Спасибо за заботу, Денис Андреевич, — процедила Алина, не поворачивая головы и глядя на пронсящие за стеклом снежные вихри. — Но меня трясет не от погоды. От вашего присутствия мороз по коже пробирает куда сильнее, чем от любого арктического циклона.

Шахов усмехнулся — низко, гортанно, обнажая кончики хищных клыков.

— Ты слишком много язвишь за последний час. Видимо, близость долгожданной свободы вскружила тебе голову, — он перехватил руль, входя в плавную дугу скоростного виража на скорости свыше ста двадцати километров в час. — Давай начистоту, Алина. Мы одни в этой машине. До резиденции еще полтора часа езды. Ответь мне прямо: с чего вдруг такой спешный побег?

— Я уже все объяснила вам в кабинете. На столе лежали бумаги.

— Бумаги остались ключьями на моем столе, — отрезал он, и в его голосе прорезался опасный металл. — Мне нужна настоящая причина. Два года ты молча сносила мои ненормированные графики, ночные звонки, бесконечные перелеты по Азии и Ближнему Востоку. Тебя

устроивала зарплата, статус, влияние. Ты знала обо мне больше, чем вся служба безопасности вместе взятая. Что изменилось за последний месяц?

Алина продолжала молчать, чувствуя, как тепло сиденья проникает все глубже, расслабляя одеревенелое тело против ее собственной воли.

— Молчишь? — Шахов прищурился. На его челюсти ожесточенно заходили желваки. — Тогда я спрошу иначе. Это из-за Марка?

У Алины перехватило дыхание. Она резко повернула голову, впервые за всю дорогу посмотрев прямо на профиль босса.

— Что?! При чем здесь Марк Савельев?!

— При том, что за последние две недели мой дражайший кузен и по совместительству вице-президент холдинга слишком часто ошивался в твоей приемной, — прорычал Денис, и его пальцы сжались на руле с такой силой, что кожаная оплетка жалобно скрипнула. — Я видел записи с камер, Захарова. Он приносил тебе кофе из своей любимой венской кондитерской. Шутил свои идиотские шутки. Садился на край твоего стола и смотрел на тебя масляными глазками мартовского кота. Он предложил тебе этот фонд? Он помог составить резюме?

В его голосе клокотала чистейшая, неприкрытая, дикая мужская ревность. Зверь, дремавший под маской лощеного миллиардера, вырвался наружу, оскалив зубы.

Алина от неожиданности даже забыла о страхе. В ее коньячных глазах заплясали насмешливые золотые искры:

— Господи, Шахов... Вы серьезно? Вы ревнуете меня к собственному двоюродному брату?!

— Я не ревную, — процедил он ледяным тоном, от которого у любого топ-менеджера его корпорации подкосились бы колени. — Я защищаю свои активы. А ты — мой самый ценный аналитический ресурс. И если Марк решил запустить свои липкие лапы в то, что принадлежит мне...

— Я не ваш актив! — взорвалась Алина, подаваясь вперед и вцепляясь пальцами в ручку двери. — И Марк Савельев здесь совершенно ни при чем! Единственная причина, по которой он заходил ко мне — это то, что он единственный живой человек во всей вашей верхушке! Он здоровается с охраной, благодарит уборщиц и умеет разговаривать с помощниками как с людьми, а не как с дрессированными рабами! Но вы... вы не способны этого понять! Вы живете в мире, где все продается и покупается, где человека можно запереть в машине и заставить плясать под вашу дудку!

Трасса тем временем круто пошла вверх, взбираясь на отроги хребта. Снег валил сплошной белой стеной. Асфальт сменился гравийной подушкой, покрытой толстой коркой льда. Дорога сузилась до двух узких полос, петляющих между отвесной гранитной стеной и черным обрывом, на дне которого шумела невидимая река.

Денис слушал ее тираду не перебивая, но его лицо каменело с каждой секундой.

На крутом повороте серпантина, прямо над гигантским ущельем, он внезапно резко выкрутил руль вправо и до упора утопил в пол педаль тормоза.

Шипы взвыли на ледяной корке. Тяжелый внедорожник повело боком, корма заскользила к краю, сбивая снежный бруствер. Алина вскрикнула, инстинктивно вжавшись в спинку сиденья и зажмурившись.

Машина замерла с глухим толчком. Правые колеса стояли на обочине, а за правым бортом, всего в полуметре за металлическим отбойником, разверзлась черная бездонная пустота ущелья.

В салоне повисла мертвая, звенящая тишина. Слышно было лишь тяжелое дыхание Алины и тихий шелест вентилятора климат-контроля.

Денис перевел селектор в паркинг, шелкнул замком ремня безопасности и развернулся к ней всем корпусом. Его мощная фигура нависла над пространством между передними сиденьями, заслоняя свет приборной панели.

— Повтори, — выдохнул он. Его голос звучал хрипло, интимно и страшно.

— Что повторить? — Алина сглотнула вязкую слюну, глядя на его губы, находящиеся в считанных сантиметрах от ее лица.

— Скажи мне в глаза то, о чем ты боишься даже подумать, — Денис медленно поднял правую руку. Его пальцы — широкие, сильные, горячие — коснулись ее обнаженной шеи. Костяшка согнутого большого пальца медленно, с тягучим нажимом скользнула вверх по линии челюсти, поднялась к скуле и огладила нижнюю губу девушки.

Прикосновение обожгло кожу подобно раскаленному металлу. По телу Алины прокатилась волна неудержимой, парализующей дрожи. Воздух в легких мгновенно закончился. Она хотела оттолкнуть его, хотела закричать, но мышцы словно одеревенели от этого гипнотического, хищного взгляда.

— Ты бежишь не из-за зарплаты, Алина, — его шепот вибрировал на ее губах. — И не из-за Воронцова. И даже не из-за Марка. Ты бежишь от меня. Потому что каждый раз, когда я захожу в твою приемную, у тебя перехватывает дыхание. Потому что ты чувствуешь, как между нами искрит воздух. Потому что ты знаешь: рано или поздно я заберу тебя себе. Целиком. Со всеми твоими принципами, гордостью и строгими платьями.

Его зрачки расширились, затапливая серую радужку первобытной темнотой. Палец Дениса чуть надавил на ее нижнюю губу, приоткрывая ее.

— Назови свою цену, Захарова. Чего ты хочешь? Квартиру в центре? Долю в бизнесе? Замужество? Сколько стоит твоя покорность?

Это оскорбление действовало как удар током. Оцепенение спало, уступив место слепящему, яростному огню оскорбленной гордости.

Алина резко вскинула руку и наотмашь сбила его ладонь со своего лица. Звук хлесткого шлепка сухо отразился от кожаной обивки салона.

— Пошел ты к черту, Шахов! — выкрикнула она, задыхаясь от ярости. — Я не продаюсь! Слышишь меня?! Ни за твои пентхаусы, ни за твои акции, ни за твой проклятый холдинг! Ты можешь сломать кого угодно, можешь купить весь этот город со всеми его чиновниками и шлюхами! Но меня ты никогда не получишь! Никогда!

Наступила пауза. Денис медленно опустил руку, на тыльной стороне которой горел красный след от ее пальцев.

Алина ждала вспышки гнева, ждала крика или удара по рулю. Но Шахов внезапно запрокинул голову и рассмеялся.

Это был хриплый, темный, искренний смех хищника, который встретил на тропе не пугливую кошку, а разъяренную волчицу. Его глаза сияли бешеным, пьянящим торжеством.

— Браво, Захарова, — тихо выдохнул он, возвращаясь в свое кресло и пристегивая ремень. — Именно этот ответ я и хотел услышать. Покорная кукла мне не нужна. Их вокруг меня сотни. А вот сломать твой ледяной хребет... заставить тебя саму умолять о моем прикосновении — это задача поинтереснее миллиардных слияний.

Он включил передачу и с силой вдавил педаль газа.

Внедорожник взревел мотором, сорвался с обледенелой бровки и ринулся вперед, рассекая надвигающуюся тьму.

В этот же момент на центральном дисплее мультимедиа вспыхнула красная пиктограмма: все деления антенны спутниковой связи исчезли, сменившись надписью «Сеть недоступна».

Электронный термометр на панели мигнул и зафиксировал падение температуры за бортом: минус шестнадцать градусов. Снежная буря перерастала в ураган.

Глава 3

Подъем на перевал Волчьи Ворота превратился в настоящую борьбу со стихией.

Дорога, вырубленная в сплошном скальном монолите еще в середине прошлого века, поднималась на высоту тысячи шестисот метров над уровнем моря. С каждым километром угол наклона становился все круче, а полотно — уже. Слева нависали отвесные гранитные утесы, с которых свисали гигантские ледяные сталактиты, справа разверзлась бездна каньона, затянутая клубящимся серым маревом.

Видимость упала практически до нуля. Матричные фары внедорожника упирались в плотную, слепящую белую стену. Дворники металась по стеклу с надсадным свистом, сгребая тяжелые ошметки налипающего снега.

Толщина снежного покрова на тракте уже перевалила за сорок сантиметров. Денис перевел пневматическую подвеску в режим максимального клиренса: кузов машины приподнялся над дорогой, колеса жадно вгрызались в свежий наст.

Внезапно вой ветра за окнами перекрыл странный, вибрирующий звук.

Это не было похоже на буран. Звук зарождался где-то глубоко в чреве горы — глухой, утробный, низкочастотный гул, от которого зазвенели стекла броневика, а мелкая вибрация передалась через педали в пол салона.

Шахов мгновенно переменился в лице. Вся его напускная циничная расслабленность испарилась в долю секунды. Спина выпрямилась, челюсти сжались с такой силой, что кожа на скулах натянулась до белизны. Серые глаза превратились в два узких прицела, сканирующих рельеф через боковые зеркала.

— Денис... что это? — голос Алины дрогнул. Непроизвольное обращение по имени сорвалось само собой: в эту секунду официальные титулы потеряли всякий смысл.

— Держись, — коротко, отрывисто бросил он. В его голосе не было и тени паники — лишь ледяная, концентрированная собранность воина. — В кресло вжимайся! Руки за голову, локти прижми! Живо!

Она едва успела подчиниться приказу, как гора над ними содрогнулась.

Со склона пика Белый Рог сорвался гигантский снежный козырек. Миллионы тонн слежавшегося фирна, льда, каменных глыб и вырванных с корнем столетних лиственниц с грохотом артиллерийской канонады рухнули вниз.

Белый вал перемахнул через верхний карниз и обрушился на перевальный серпантин всего в восьмидесяти метрах позади внедорожника.

Удар был чудовищным. Воздушная волна колоссальной плотности догнала броневику, с силой толкнув трехтонную тушу машины вперед и вбок. Корму занесло, шины потеряли сцепление, и внедорожник заскользил боком к краю обрыва.

Алина вскрикнула, зажмурившись от дикого ужаса. Пальцы судорожно впились в ткань ее пальто.

В зеркалах заднего вида на долю секунды развернулась картина апокалипсиса: колоссальный снежный вал высотой в трехэтажный дом сминал железобетонные отбойники, словно сухие спички. Многотонная лавина с корнем вырвала массивную стальную опору высоковольтной линии передач: во тьме ущелья вспыхнул ослепительный, inferнальный каскад бирюзовых электрических дуг, сопровождаемый треском лопающихся проводов.

Через секунду все кончилось. Дорога позади них просто перестала существовать. Ее похоронило под пятиметровой толщей спрессованного льда и скальных обломков. Путь назад, в долину и цивилизацию, был отрезан наглухо.

— Господи... господи... — шептала Алина, не в силах открыть глаза.

— Смотри на меня! — рявкнул Шахов.

Он работал рулем с филигранной, нечеловеческой точностью. В тот момент, когда заднее правое колесо зависло над пустотой каньона, осыпая в бездну комья мерзлого грунта, Денис жестко заблокировал межосевой и задний дифференциалы. Короткий, дозированный удар по педали газа — и битурбированный восьмицилиндровый двигатель взревел на четырех тысячах оборотов.

Все четыре колеса выбросили из-под арок фонтаны ледяного крошева. Машина с судорожным рывком зацепилась шипами за скальный выступ, выровнялась и выбросила себя вперед, на последний гребень перед плато.

Алина распахнула глаза, тяжело и часто хватая ртом воздух. Ее пальцы рефлекторно, помимо воли, вцепились в правое предплечье Шахова. Ткань его сорочки натянулась под ее ногтями, но Денис даже не поморщился: его бицепс под ее ладонью ощущался как монолитный кусок гранита.

— Вытащил, — хрипло выдохнул он сквозь зубы. — Прорвались.

Но расслабляться было рано. Впереди, на границе широкого плато, сквозь бушующую метель проступили черные силуэты высоких кованых ворот с геральдическими вензелями закрытого комплекса «Северный пик».

Створки ворот были заперты на тяжелый кованый засов. Перед ними намело сугроб высотой почти в метр.

Останавливаться на подъеме при ураганном ветре было верной смертью: трехтонный внедорожник моментально осел бы на мосты в рыхлом снегу, а через двадцать минут салон превратился бы в ледяной склеп.

Шахов оценил обстановку за долю секунды.

— Держись крепче, Захарова! Сейчас тряхнет!

Он не только не нажал на тормоз — он до упора вдавил педаль акселератора в пол.

Внедорожник издал глухой рык хищника, устремившегося на добычу, и на скорости сорок километров в час пошел на таран.

Удар потряс кузов до самого основания. Массивный силовой бампер и усиленный кенгурятник врезались прямо в стык кованых створок.

Раздался оглушительный скрежет рвущегося металла. Стальной засов срезало словно бритвой, крепления петель с треском вырвало из гранитных столбов. Створки ворот с грохотом распахнулись внутрь, осыпав капот и лобовое стекло градом ледяных осколков и комьев замерзшей земли.

Машина, взметая снежные вихри, влетела на территорию внутреннего двора, прочертила глубокую колею по круговой подъездной аллее и юзом замерла у широких ступеней парадного крыльца главного шале.

Денис нажал кнопку глушения двигателя.

Тяжелый рокот V8 смолк. Погасли ходовые огни и фары.

Вокруг мгновенно сомкнулась абсолютная, первозданная тьма высокогорной зимней ночи. Лишь за бронированными стеклами с диким, завывающим ревом кружил штормовой ветер, швыряя в темные деревянные стены усадьбы тонны сухого колючего снега.

В салоне осталась лишь тишина.

Алина сидела ни жива ни мертва. Ее била крупная, неуправляемая дрожь. Грудь судорожно вздымалась, губы побелели, а пальцы продолжали намертво сжимать стальное предплечье мужчины.

Денис медленно отстегнул ремень безопасности. Повернулся к ней.

Его лицо в полумраке казалось высеченным из темного базальта, но в глазах больше не было жесткого цинизма. В них горело странное, обжигающее пламя.

Он протянул руки, осторожно разжал ее сведенные судорогой пальцы на своем рукаве. Затем поднял обе свои широкие, мозолистые, раскаленные ладони и бережно взял ее лицо в кольцо.

Его пальцы легли на ее холодные щеки, большие пальцы коснулись дрожащих уголков губ. От его рук исходило нечеловеческое, животворящее тепло.

— Алина, — его голос прозвучал непривычно мягко, густым бархатным шепотом, проникающим прямо под кожу. — Посмотри на меня. Открой глаза.

Она с трудом подняла ресницы, встречая его взгляд.

— Мы живы, — отдельно произнес он, не отводя глаз. — Лавина осталась позади. Мы на месте. Ты цела? Нигде не ударилась?

Она смотрела в его штормовые серые глаза, в которых первобытная ярость победителя смешалась с какой-то отчаянной, почти благоговейной тревогой за нее. Человек, которого она считала бездушным тираном, только что спас ее от верной гибели, не дрогнув ни единым мускулом перед лицом смертельной опасности.

Алина попыталась сказать «да», но из горла вырвался лишь сдавленный всхлип. Зубы выбивали дробь. Она смогла лишь судорожно кивнуть, чувствуя, как горячие подушечки его пальцев стирают с ее щеки каплю растаявшей снежинки.

— Вот и умница, — тихо выдохнул Шахов, и уголок его губ дрогнул в едва заметной, усталой полуулыбке. — А теперь приготовься. Придется пробежать пять метров до крыльца сквозь настоящий ад. Накинь капюшон.

Глава 4

Денис распахнул тяжелую дверь внедорожника.

Ледяной шквал тут же ворвался в прогретый салон, взметнув полы пальто Алины и швырнув в лицо горсть колючей, сухой снежной крупы. Температура снаружи стремительно падала: мороз под шестнадцать градусов в сочетании с ураганным ветром обжигал кожу подобно жидкому азоту.

Шахов выскочил наружу первым. Его тяжелые ботинки с хрустом проломили наст. Он обошел машину, выдернул из багажника чемодан Алины, поставил его в снег и перекинул свою дорожную сумку через плечо. Когда поднял чемодан, намокший бок уже покрылся ледяной коркой. Денис перехватил ручку левой рукой и шагнул к пассажирской двери.

— Руку, быстро! — приказал он, перекрывая рев бури.

Алина выбралась из салона, и ветер едва не сбил ее с ног: тонкие замшевые сапоги на каблучках моментально провалились в снег почти по колено. Ледяная каша забилась под щиколотки, заставляя судорожно сжаться пальцы ног.

Не давая ей упасть, Денис обхватил ее за талию своей железной рукой, буквально оторвав от земли и прижав к своему правому боку. Своей широкой спиной и распахнутым кашемировым пальто он заслонил ее от яростных порывов шторма, словно живой непробиваемый щит, и в несколько мощных шагов взлетел по занесенным гранитным ступеням парадного крыльца под широкий деревянный навес.

Здесь ветер стихал, но мороз пробирал до самых костей.

Парадная двустворчатая дверь резиденции, сколоченная из мореного дуба и окованная узорными полосами черного железа, была заперта. Денис поставил багаж у стены и дернул за массивную бронзовую ручку в форме медвежьей головы: замок сидел мертво, цилиндр механизма насквозь промерз и покрылся толстой коркой льда.

— Отойди, — бросил он Алине.

Она прижалась спиной к бревенчатой стене, скрестив руки на груди и мелко постукивая зубами.

Денис отступил на полшага назад, сгруппировался и с короткого замаха впечатал подошву тяжелого ботинка прямо в район замочной скважины, одновременно навалившись на створку всем весом своего девяностокилограммового тренированного тела.

Раздался сухой, трескучий звон лопнувшего чугуна. Ледяной панцирь треснул, защелка со скрежетом сорвалась с посадочного гнезда, и дверь с глухим стоном распахнулась внутрь темного помещения.

Шахов подхватил сумки, второй рукой увлек Алину за собой в прихожую и с силой захлопнул тяжелое дубовое полотно. Следом он опустил массивный деревянный засов, ходивший в кованых проушинах.

Грохот засова отозвался гулким эхом под высокими потолками. Вой бурана снаружи мгновенно приглушился, превратившись в монотонный, яростный гул.

Они оказались в абсолютной, кромешной тьме.

Денис достал из кармана пальто компактный тактический фонарь и нажал кнопку. Мощный луч холодного белого света разрезал мрак, выхватив колоссальный центральный холл альпийского шале: гигантские бревна столетней сосны ручной рубки, темные балки под пятиметровым потолком, охотничьи трофеи на стенах, широкие диваны из темно-коричневой потертой кожи и монументальный камин из колотого дикого сланца.

В помещении царил лютый, застоявшийся холод. Температура внутри едва превышала четыре градуса тепла: при каждом выдохе изо рта Алины и Дениса вырывались густые клубы белого пара.

— Где охрана? — дрожащим голосом спросила Алина, обнимая себя за плечи. — Где администратор? Почему не горит свет?

Шахов не ответил. Луч его фонаря скользнул по полированному полу из темного дерева и остановился на стойке ресепшена, вытесанной из цельного спила векового кедра. На гладкой поверхности лежал сложенный вдвое лист плотной бумаги, придавленный массивным медным пресс-папье в виде лежащего волка.

Денис подошел к стойке, сдвинул пресс-папье и развернул лист. Алина подошла ближе, заглядывая через его плечо. В круге яркого диодного света четко проступили размашистые, неровные строчки, написанные синей шариковой ручкой:

*«Денис Андреевич!

МЧС передало штормовое предупреждение высшей категории: лавиноопасность на перевале достигла критического уровня. Поселок у подножия начали эвакуировать. По распоряжению службы безопасности я отправил весь обслуживающий персонал вниз последним вахтовым гусеничным вездеходом в четыре часа дня. Дорогу вот-вот завалит.

Чтобы не разорвало трубы в морозы, я полностью слил воду и законсервировал систему центрального отопления во всех трех гостевых корпусах и в нижнем крыле главного шале.

Резервный дизель-генератор в бункере запущен и настроен на поддержание минимальной аварийной сети только на втором этаже главного дома — там запитан мастер-люкс №1. Теплый пол и электрика работают только там. Бойлер в ванной держит запас горячей воды на триста литров; изолированный бак холодной воды тоже оставлен полным.

Дрова сложены в нише возле камина. Провизия в кладовой на кухне. Связи нет, проводные линии порвало ветром еще в полдень. Берегите себя.

Управляющий комплексом Петр Гордеич».*

Денис медленно опустил записку на стойку. В луче фонаря его профиль казался высеченным из гранита.

— Прекрасно, — тихо произнес он. — Персонал эвакуирован. Комплекс законсервирован. Мы здесь абсолютно одни.

До Алины не сразу дошел весь ужас прочитанного. Но когда смысл слов Гордеича окончательно сложился в голове, ее словно окатило ушатом ледяной воды:

— Как одни?.. Что значит — законсервирован?! Здесь же гигантская территория, коттеджи, десятки номеров! Откройте мне другой номер! Любой!

— Ты читать разучилась, Захарова? — Денис медленно развернулся к ней. Луч фонаря он направил в пол между ними, так что его лицо оставалось в зловещей полутени. — Все коттеджи выстужены. Там сейчас минус десять. Системы отопления слиты. Воды нет, электричества нет. Единственное теплое помещение на всей вершине этой горы — мастер-люкс номер один на втором этаже.

— Я не останусь с вами в одном номере! — ее голос сорвался на крик, эхом отразившись от деревянных перекрытий. — Слышите?! Ни за что на свете! Откройте мне коттедж для персонала, откройте подсобку, что угодно! Я замерзну там, но не останусь с вами под одной крышей!

Шахов сделал один неторопливый шаг вперед, сократив дистанцию. Его взгляд стал жестким, насмешливым и бескомпромиссным:

— Ты можешь прямо сейчас лечь на этот кожаный диван в холле, Алина. Можешь завернуться в ковер. Но через три часа мороз превратит твои пальцы в стекляшки, а к утру ты заработаешь крупозное воспаление легких. И мне придется тащить твой окоченевший труп на себе вниз по заваленному перевалу. Я не собираюсь хоронить первоклассного аналитика из-за дурацкой девичьей истерики.

— Это не истерика! Это вопрос моей безопасности!

— Твоей безопасности здесь угрожает только мороз, — отрезал он, протягивая руку и хватая ее за локоть. Его хватка была непререкаемой, словно железные тиски. — Наверх. Шагом марш.

— Пустите! Я сама могу идти!

— Тогда иди, — он разжал пальцы, подхватил ее чемодан и сумку и зашагал к широкой деревянной лестнице с массивными перилами из соснового кругляка.

Алина осталась одна посреди ледяного, гулкого зала. Мороз действительно наступал: промокшие насквозь замшевые сапоги превратились в ледяные колодки, пальцы ног онемели настолько, что она перестала их чувствовать. Холодный воздух проникал под пальто, сковывая дыхание. Снаружи с новой силой завыл ураган, сотрясая крышу шале.

Выбора не было. Проклятый Шахов снова победил — на этот раз руками взбесившейся природы.

Стиснув зубы от унижения и бессильной злости, Алина подобрала подол мокрого пальто и начала медленно подниматься по ступеням следом за мерцающим лучом его фонаря.

На втором этаже действительно ощущалась разница. Где-то в глубине подвалов глухо, ритмично урчал дизельный генератор, наполняя здание едва заметной живой вибрацией. Воздух в коридоре был заметно теплее, сквозь щели деревянного настила пробивалось слабое тепло электрических матов.

Денис толкнул массивную двустворчатую дверь в конце галереи.

Они вошли в мастер-люкс.

Луч фонаря пробежал по стенам, выхватывая роскошное, истинно мужское убранство: отделка из темного канадского кедра, полы из брашированной лиственницы, на которых лежал огромный ковер грубой вязки. В центре комнаты, устремляясь в пятиметровый потолок, высился исполинский камин, сложенный из серого колотого сланца. Рядом с очагом аккуратной пирамидой были уложены сухие березовые поленья с серебристой берестой.

Но главным центром притяжения была колоссальная кровать king-size на массивном деревянном подиуме, застеленная тяжелым покрывалом из волчьих шкур.

А за широким панорамным окном во всю стену клубилась первобытная снежная бездна, озаряемая редкими сполохами далеких зарниц.

Шахов опустил чемодан и сумку на пол возле гардероба. В замке изнутри торчал оставленный зрителем ключ. Подошел к двери, повернул массивный латунный ключ в замке.

Щелчок тяжелого механизма прозвучал в тишине комнаты с пугающей, бесповоротной отчетливостью. Словно захлопнулась дверь тюремной камеры.

Алина замерла у входа, прижавшись лопатками к деревянной стене. Ее сердце колотилось как бешеное, ударяя в ребра тяжелыми, паническими толчками.

Денис повернулся. Не глядя на нее, он расстегнул пуговицы своего промокшего кашемирового пальто, стянул его с широких плеч и небрежно бросил на глубокое кожаное кресло у окна. Следом полетел пиджак.

Он остался в одной сорочке оттенка мокрого асфальта, которая обтягивала его мощную, рельефную грудь, покатые плечи и узкую талию подобно второй коже. Литые мышцы перекачивались под тканью при каждом его движении. Темные волосы были взъерошены ветром, а на резких скулах играли тени от луча фонаря, поставленного на каминную полку.

Шахов достал из кармана брюк тяжелую металлическую зажигалку, щелкнул рифленным колесиком. Желтый лепесток пламени осветил его хищное, породистое лицо и серые глаза, потемневшие до цвета грозового неба.

Он медленно перевел взгляд на застывшую у двери Алину. Окинул ее фигуру с ног до головы неторопливым, собственническим взглядом, от которого у нее перехватило дух.

— Добро пожаловать в мой личный капкан, Захарова, — его голос, низкий, хриплый, вибрирующий темным мужским жаром, заполнил полутемную спальню. — Снимай сапоги. Бросай промокшее пальто и иди сюда, к камину.

Он выдержал долгую, тягучую паузу, не отводя от нее обжигающих глаз, и добавил с едва уловимой опасной усмешкой:

— Живо. Пока я не подошел и не раздел тебя сам.

Алина судорожно вдохнула морозный воздух комнаты, чувствуя, как по позвоночнику пробегает раскаленная волна первобытного ужаса и запретного, сладостного трепета.

Ловушка захлопнулась. Отрезанные от всего мира снежной лавиной, они остались вдвоем на вершине горы.

Глава 5

Ключ еще покачивался в замке мастер-люкса. Алина смотрела на него, слыша за спиной последнее распоряжение Шахова. Снаружи ветер ударил в фасад, и массивные бревна стен скрипнули, словно ребра старого корабля.

Алина Захарова стояла у порога спальни, прислонившись спиной к шершавому бревну стены. Горло сжало спазмом от резкого перепада давления и смертельной усталости. Воздух в люксе обжигал лёгкие колючей морозной взвесью. Ледяной холод проникал сквозь тонкие подошвы промокших замшевых сапог, сковывая щиколотки чугуной, ноющей тяжестью. Подол её шерстяного офисного платья — строгого, элегантного футляра цвета графита, в котором она ещё несколько часов назад стояла на сорок пятом этаже столичной башни «Шахов Плаза» — потемнел от влаги почти до середины бёдер. Снег, набившийся под пальто на крыльце, таял на шерсти; при каждом шаге мокрый подол охлаждал ноги. Мокрая шерсть липла к ногам сквозь тонкий капрон, вызывая мучительную, непрекращающуюся дрожь. Зубы выбивали мелкую дробь, которую Алина тщетно пыталась заглушить, до боли стискивая челюсти.

Денис Андреевич Шахов стоял у кресла, на которое уже бросил пальто и пиджак. Сорочка прилипла к спине после подъема по лестнице. Он расстегнул манжету, но, заметив, как Алина переступает с ноги на ногу, оставил пуговицу в покое.

— Разувайся, Захарова, — его низкий, рокочущий баритон вибрировал в пространстве спальни, сотрясая стылый воздух. — Чего застыла как соляной столб? Пол у двери еще ледяной, сейчас пальцы намертво примерзнут к стелькам.

Алина попыталась наклониться, чтобы нащупать замок на голенище сапога, но онемевшие пальцы рук, белые и совершенно непослушные, соскользнули с мелкого металлического язычка. Перед глазами всё плыло от чудовищного переутомления: дикая гонка по обледенелому серпантину, глухой гул сошедшей лавины, похоронившей перевал и дорогу позади них, удар мощного кенгурятника в ворота... Происходящее казалось бесконечным кошмаром, ледяной воронкой, затягивающей её всё глубже.

Шахов шумно, тяжело выдохнул сквозь ноздри. Сделав два широких, пружинистых шага, он вплотную сократил разделяющее их пространство, опустился на одно колено прямо перед ней на дощатый пол и властно ухватился за каблук её сапога. Его широкая ладонь, горячая даже сквозь мокрую замшу, удержала каблук; другой рукой он расстегнул молнию и потянул голенище вниз.

— Я сама в состоянии... — выдавила Алина сквозь стиснутые зубы, отшатываясь назад и упираясь ладонью в шершавый дверной косяк.

— Молчи и стой ровно, — пресёк он любые возражения, удерживая её ногу железной хваткой. Один точный рывок сильных рук — и первый сапог с глухим стуком полетел в угол. Следом за ним мгновенно отправился второй.

Ледяной сквозняк тут же безжалостно ожёг её ступни в промокших колготках. Алина судорожно подобрала пальцы на холодном деревянном настиле, чувствуя, как морозная боль впивается в подошвы. Денис поднялся во весь свой гигантский рост, нависая над ней несокрушимой каменной громадой. От него исходил густой, дурманящий запах: морозный кедр, горький сицилийский бергамот, дорогой трубочный табак и раскалённый жар тренированного мужского тела. Этот терпкий, властный аромат выбивал из её мыслей последние остатки профессионального самообладания.

— Чемодан, — коротко бросил Шахов, кивая на кожаный чемодан лавандового цвета, занесённый им в комнату вместе со своей объёмной кожаной сумкой. — Доставай сухое. Я займусь растопкой камина.

Алина опустила на колени перед чемоданом, надеясь извлечь спасительный тёплый свитер и плотные брюки, уложенные ею еще до ухода на работу. Но кодовый замок встретил её намертво застывшими стальными барабанчиками: талая вода затекла внутрь механизма и схватилась монолитной ледяной коркой. Колёсики с цифрами заклинило наглухо. Алина с силой надавила подушечками пальцев, пытаясь провернуть комбинацию, сорвала ноготь о застрявшую металлическую защёлку и глухо вскрикнула от острой, колющей боли.

Шахов моментально оказался рядом. Он опустился на корточки, его широкое плечо коснулось её плеча, посылая по взмокшей коже волну обжигающего жара.

— Руки убери, не ломай пальцы, — распорядился он. В его голосе звучала концентрированная деловая решимость человека, привыкшего устранять любые препятствия одним ударом.

Он осторожно взял её озябшую ладонь в свою руку, бегло осмотрел повреждённый палец, на кончике которого выступила алая капля крови, стёр кровь подушечкой большого пальца, а затем перевёл взгляд на замок. Широкие пальцы Дениса обхватили обледенелый металлический бегунок молнии. Стальные зубья заскрипели под натиском. Шахов резко, слитным движением дёрнул заклинившую защёлку, переламывая ледяной нарост с сухим хрустом. Створки чемодана с треском распахнулись в стороны.

Алина замерла, опустив взгляд, и сдавленный стон полного отчаяния вырвался из её груди.

Внутри чемодана темнело большое мокрое пятно. Ударом о багажную стенку разошелся нижний шов; снег, в который Денис поставил багаж у машины, набился под подкладку. Все её тщательно сложенные вещи — тонкие шёлковые блузки, запасные шерстяные брюки, мягкий домашний кардиган, сменное бельё — превратились в хлюпающий, промёрзший ком. Вода сочилась между пальцами, стоило лишь прикоснуться к промокшей ткани.

— Всё промокло... — прошептала Алина, и её плечи мелко, судорожно затряслись. Крушение всех планов на новую независимую жизнь, разорванное в кабинете заявление, навязанный плен в горах и абсолютная физическая незащитность перед этим жестоким человеком обрушились на неё неподъёмной свинцовой плитой. — До единой нитки. Всё насквозь сырое...

Шахов молча посмотрел на испорченный багаж, затем перевёл тяжелый, изучающий взгляд на её побледневшее лицо. На щеках девушки алели лихорадочные пятна, а нижняя губа судорожно подрагивала от подступающих слёз.

— Слёзы спрячь, Захарова. Жалеть испорченные тряпки будешь в Москве, — его тон прозвучал как хлыст, мгновенно пресекающий любые проявления жалости к себе. — У тебя кожа синюшная, начинается тяжёлая гипотермия. Если свалишься с воспалением лёгких на этой занесённой верхотуре, мне придётся откачивать тебя без врачей и медикаментов. Вставай.

Он ухватил её за локоть и одним мощным движением рывком поднял на ноги. Алина покачнулась: в глазах потемнело от резкого прилива крови, колени подогнулись. Денис мгновенно перехватил её за талию, прижимая на секунду к своему твёрдому, мускулистому боку. Жар его тела прожёл мокрую ткань её платья, заставляя сердце Алины сорваться в бешеный галоп.

— В ванную. Живо, — скомандовал он, направляя её к массивной двери из тесаной лиственницы в глубине мастер-люкса. — Начни с теплой воды. В бойлере триста литров, пока держит автономный дизельный генератор. Смой с себя этот лёд до последней капли.

— Но мне нечего надеть! — вскинулась Алина, цепляясь пальцами за косяк двери и глядя на него снизу вверх с упрямым, пылающим вызовом. — Мои вещи уничтожены! Я останусь в ванной абсолютно голой!

На чувственных губах Шахова промелькнула хищная, ленивая усмешка, обнажившая ровные белые зубы.

— Мысль крайне заманчивая, Захарова, но не сегодня. Повернись.

Он шагнул к своей объёмной дорожной сумке из толстой воловьей кожи, расстегнул тяжёлую латунную молнию и запустил руку в глубь отделения. Через секунду в его пальцах появился объёмный, плотный вязаный свитер графитово-тёмно-серого цвета с высоким двойным воротом-хомутом. Крупная английская вязка, плотный кашемир, эксклюзивная вещь ручной работы, стоившая целое состояние.

Шахов бросил свитер ей в руки. Тяжёлая, мягкая масса ткани с глухим хлопком легла на раскрытые ладони Алины. Мгновенно в нос ударил густой аромат: морозный кедр, горький сицилийский бергамот, элитный табак и чистый, раскалённый запах его собственной мужской кожи. Этот свитер носил он сам. Вещь хранила контуры его мощных плеч и живое тепло его тела.

— Наденешь это, — голос Дениса звучал непрекаемо, словно распоряжение перед всем правлением холдинга. — Твоё мокрое платье снимешь и выставишь за дверь. Я развешу его сушиться у решётки камина. И у тебя ровно пять минут, Захарова. Если через пять минут я не услышу шум воды за перегородкой — я войду туда сам и сниму с тебя эти мокрые тряпки собственными руками. Ты прекрасно знаешь: повторять приказы я не привык.

Алина отшатнулась, прижимая тяжёлый свитер к груди как спасительный щит, и яростно захлопнула дубовую дверь ванной перед его лицом. Массивный металлический засов щёлкнул в пазу, отрезая её от комнатного полумрака.

Ванная комната поражала суровой северной роскошью: стены из плит серого колотого сланца, широкая столешница из цельного спила векового кедра и глубокая душевая кабина с прозрачным ударопрочным стеклом. Алина повернула массивный хромированный смеситель до упора. Из широкой потолочной лейки с глухим шипением хлынули упругие струи воды. Алина проверила струю ладонью и прибавила горячей воды. Над поддоном поднялся пар.

Дрожащими, одеревеневшими пальцами Алина потянула потайную молнию на спине платья. Замок заедал, холодная мокрая ткань отдиралась от кожи с трудом, словно приросшая броня. Сбросив на каменный пол платье, промокшие капроновые колготки и тонкое кружевное бельё, она приоткрыла дверь на пару сантиметров и вытолкнула мокрый ком наружу. В ту же секунду сильная мужская рука подхватила вещи и унесла прочь, а дверь с мягким щелчком встала на место.

Алина шагнула под упругие горячие струи душевой кабины.

Первое прикосновение теплой воды к замёрзшей коже отозвалось мучительной вспышкой — тысячи острых раскалённых игл вонзились в плечи, грудь и бёдра, заставляя её задохнуться и прикусить губу. Кровоток возвращался толчками, сжигая онемение. Алина закрыла глаза, подставив лицо прямо под водяной столб. Струи смывали липкий пот дорожного ужаса, растаявший снег, слёзы бессильной ярости и горечь от разорванного заявления. Тело постепенно оттаивало, наливаясь тяжелой, расслабляющей истомой.

Она провела ладонями по лицу, стирая капли. Вода в бойлере могла иссякнуть в любую минуту. Выключив смеситель, Алина шагнула на мягкий махровый коврик и сорвала с полотенцесушителя огромное белое полотенце. Насухо растерев пылающую кожу до багрового румянца, она замерла перед большим запотевшим зеркалом.

На кедровой полке лежал его свитер.

Алина несмело протянула руку и коснулась ткани. Мягчайший кашемир ласкал пальцы. Преодолевая внутренний трепет, она перекинула свитер через голову.

Тяжёлая шерсть мягко обрушилась на обнажённое тело, укутывая плечи и грудь. Ощущение оказалось пронзительно интимным: чистая шерсть легла прямо на голую кожу, лаская соски и заставляя их мгновенно затвердеть от непривычной, острой чувствительности. Воротник-стойка полностью скрыл её шею, укутав подбородок до самых губ. Плечевые швы свитера свисали почти до локтей, подчеркивая хрупкость её тонких ключиц. Рукава закрывали кисти рук целиком, свисая на добрых пятнадцать сантиметров ниже пальцев — Алине пришлось подвернуть манжеты трижды, образовав тяжёлые шерстяные валики на запястьях.

Подол свитера опускался почти до колен, превращая мужскую вещь в подобие короткого вязаного платья. При каждом шаге тяжёлый кашемир колыхался вокруг её бёдер, оставляя ноги от колен до ступней совершенно открытыми.

Но сокрушительнее всего был запах. Весь свитер дышал Денисом — его мускусом, его резким парфюмом, его первобытной силой. Вдыхая этот аромат, Алина чувствовала, как внутри разливается сладкая, тягучая волна жара. Он словно стоял за её спиной, обнимая за плечи. Сладкая дрожь пробежала по телу.

Она стёрла ладонью пар с зеркала. Из отражения на неё смотрела незнакомая девушка: растрёпанные, влажные пепельно-русые волосы падали на плечи ломаными волнами, щёки пылали лихорадочным румянцем, янтарно-коньячные глаза лихорадочно блестели в полумраке, а хрупкую фигурку поглотил безразмерный серый свитер её босса.

Прежняя строгая помощница в застегнутом футляре растворилась без остатка.

Алина глубоко вдохнула, сжала пальцы в подвёрнутых рукавах, повернула засов и толкнула тяжёлую дверь, выходя в спальню.

Глава 6

Золотистые сполохи огня рассекали густой сумрак спальни, отбрасывая на бревенчатые стены причудливые пляшущие тени. Камин из грубого колотого гранита ожил: внутри открытого очага с сухим треском и ровным мощным гулом занимались смолистые берёзовые поленья. Жар от пламени накатывал упругими, пахучими волнами, вытесняя стылый комнатный холод и наполняя воздух сладковатым духом тлеющей бересты. Возле кованной каминной решётки на деревянной сушилке уже висело её шерстяное платье, от подола которого поднимался тонкий пар.

Денис Шахов стоял на одном колене перед открытой топкой, орудуя массивной кочергой. Он успел переодеться в сухую майку и спортивные брюки. Чёрная ткань плотно обтягивала его литую, бугрящуюся рельефом спину, подчёркивая мощные лопатки и тугие жгуты широчайших мышц. Проймы майки открывали бугристые плечи и крепкие предплечья, увитые тёмными дорожками вздувшихся вен.

Скрип разошедшей половицы под ногой Алины заставил его медленно повернуть голову.

Тяжёлый, пронизывающий взгляд штормовых серых глаз скользнул по ней от макушки до обнажённых пяток. Он впитывал каждую деталь: растрёпанные влажные пряди, пунцовый румянец на высоких скулах, край высокого ворота, скрывающий шею, и край подола его свитера чуть выше колен. На фоне безразмерного кашемира её стройные ноги казались фарфорово-хрупкими. В полумраке комнаты зрачки Шахова расширились почти во всю радужку, потемнев до цвета ночной грозовой тучи. Желвак на его челюсти резко дёрнулся, выдавая дикое, натянутое мужское напряжение.

Алина инстинктивно втянула голову в плечи, сжав подвёрнутые рукава. Морозный сквозняк, гулявший по полу, тут же напомнил о себе: стоило шагнуть с махрового коврика на доски, как ледяной холод вонзился в босые ступни десятками иголок. Кожа на пальцах ног побелела в считанные секунды.

Стремясь удержать дистанцию, она торопливо обогнула каминную зону и юркнула в глубокое кожаное кресло с высокой стёганой спинкой, стоявшее возле боковой стены. Забравшись с ногами на широкое сиденье, Алина спрятала озябшие ступни под свисающий край кашемира и плотно обхватила колени руками, образуя защитный клубок.

— Спасибо за свитер, — её голос прозвучал глухо, сдавленно. — Он очень тёплый. Я останусь здесь до утра. Можете заняться своими делами.

Шахов медленно поднялся во весь свой гигантский рост. Повесив кочергу на бронзовый крюк каминного набора, он повернулся к ней всем корпусом. Он обошел край ковра, оставляя позади тёплый круг от камина. Алина насторожилась: к выходу он ей дороги не перекрывал, но шел прямо к креслу.

— Захарова, твоё упрямство поражает. — Он остановился между креслом и камином; Алина подтянула ноги еще выше. — Ты сидишь в трёх шагах от очага, поджав ноги, а пальцы у тебя белее мела. До утра ты в этом кресле заработаешь судороги.

— Жар от камина доходит и сюда, — упрямо парировала Алина, вжимаясь глубже в кожаную спинку. — Мне вполне комфортно, Денис Андреевич.

— Врёшь, — коротко отрезал Шахов, останавливаясь вплотную к креслу.

Он отбросил лишние слова. Одним слитным движением Денис наклонился, подвёл одну широкую ладонь ей под лопатки, а вторую под бёдра, легко оторвав её тело от подушек.

Алина испуганно ахнула. Воздух с шумом вырвался из лёгких. Инстинкт сработал быстрее рассудка: её руки сами собой выметнулись из рукавов и вцепились в его мускулистые, горячие плечи. Под пальцами перекачивались тугие волокна мышц, раскалённые до предела. Запах его кожи ударил в лицо с удвоенной силой, кружа голову.

— Пустите! Что вы делаете?! — выдохнула она, пытаясь оттолкнуться от его груди.

Денис встретил её сопротивление с абсолютным спокойствием скалы. Сделав два шага, он опустил её прямо на середину широкого пушистого ковра из овечьей шерсти, расстеленного на полу в метре от открытого пламени. Сам он опустился на колени прямо напротив неё, перекрывая собой спальню и запирая девушку между ковром и диваном.

— Сиди ровно, — бросил он с непререкаемой властью.

Прежде чем Алина успела подобрать ноги под себя, его широкая мозолистая ладонь замкнулась на её левой щиколотке.

Прикосновение обожгло электрическим зарядом: его пальцы пылали, словно нагретый камень, а её кожа оставалась ледяной. Вторая рука Шахова легла на узкую ступню, пальцы которой онемели от холода.

Алина вздрогнула всем телом, втянув воздух сквозь зубы. По телу пробежала крупная волна озноба.

— Холодная как сосулька, — констатировал Денис, глядя на её побелевшую стопу.

Он обхватил её стопу ладонями, согревая пальцы. Алина напряглась, приготовившись терпеть боль, но Шахов почувствовал, как она тянет ногу назад, и ослабил нажим.

— Так лучше?

Она кивнула. Его большой палец прошел по своду стопы, и Алина впервые перестала следить за дверью.

Жар хлынул по венам Алины бурным потоком. Замёрзшие сосуды отзывались на тепло острой пульсацией, переходящей в тягучую, глубокую истому. Холод отступал, уступая место пьянящему чувству защищённости. Алина откинула голову назад, опираясь ладонями о ворс ковра позади себя, и закусила губу, чтобы подавить рвущийся из горла стон облегчения. Мышцы расслаблялись против её воли.

Закончив с левой ногой, Денис перехватил правую. Его пальцы снова сомкнулись вокруг тонкой кости, продолжая глубокий массаж. Он мягко размял свод стопы, затем надавил широким пальцем на точку подъема, снимая напряжение после многочасового ношения высоких

каблуков. Алина невольно подалась вперед, шумно втянув воздух: напряженные связки отозвались благодарной истомой, распуская зажатый узел боли. Денис уловил этот вздох, и уголок его губ дрогнул в едва заметной усмешке понимания.

Алина смотрела на него из-под полуопущенных ресниц, чувствуя, как прежняя дистанция рушится. Перед ней на коленях стоял человек, перед которым трепетали министры, банкиры и акулы бизнеса. Человек, чье имя в деловых кругах вызывало благоговейный страх. И этот человек сейчас собственными руками терпеливо отогревал её пальцы у огня, склонив тёмнокудрую голову.

Его большой палец скользнул по внутренней стороне щиколотки, замирая ровно на том месте, где под светлой кожей судорожно билась артерия. Шахов замер, ощущая бешеную дробь её пульса.

Он медленно поднял глаза.

Их взгляды скрестились в полутьме, озарённой золотистыми вспышками пламени. В его зрачках плясали отсветы березового костра, обнажая неприкрытое вожделение, сдерживаемое лишь усилием воли.

— Сердце колотится как у загнанного зверька, Алина, — его баритон стал глухим, вибрирующим. — Кого ты боишься сильнее? Метели за окном? Меня? Или того, что тебе приятны мои руки?

Щёки Алины вспыхнули ярче огня в очаге. Она попыталась выдернуть ногу, но хватка Шахова осталась железной.

— Я боюсь вашей самоуверенности, Денис Андреевич, — прошептала она, стараясь удержать в голосе холод, но голос дрогнул. — Вы привыкли брать силой всё, что вздумается.

— Если бы я хотел взять тебя силой, ты бы уже лежала на этой кровати, — жёстко произнёс он, глядя ей прямо в зрачки. — Но мне мало одной покорности, Захарова. Ты мне нужна целиком. Твое тело, твои мысли, твоя преданность.

Его ладонь медленно двинулась вверх от щиколотки по изгибу икры, оглаживая шелковистую тёплую кожу, и остановилась на округлой чашечке колена. По телу Алины прокатилась сладкая, обжигающая волна, дыхание перехватило. Внизу живота сладко и тягуче заныло. Она поймала себя на том, что пальцы сами собой сминают густой ворс ковра, а взгляд прикован к его приоткрытым, опасно близким губам.

И в эту секунду тишину комнаты прорезал громкий, протяжный звук урчания её пустого желудка.

Шахов замер. Его бровь поползла вверх. На суровом лице дрогнули губы, и он хрипло рассмеялся, обнажая ровные белые зубы. В этом смехе звучало живое мужское веселье.

Он отпустил её ногу, легко коснувшись пальцами колена:

— Кажется, строптивая бунтарка хочет есть гораздо сильнее, чем спорить со своим генеральным директором.

Глава 7

Алина вспыхнула до самых корней волос, готовая спрятать лицо в ладонях прямо на пушистом ковре. С самого утра Алина почти ничего не ела. Вечером, собираясь войти в кабинет с заявлением, она даже отодвинула принесенный коллегой бутерброд. Затем последовал тяжелый разговор на сорок пятом этаже, безумная гонка по обледенелому серпантину, ужас перед сошедшей лавиной и ледяной шок в занесённом снегом шале. Организм, согретый в горячей воде и у огня, требовал восполнения сил с прямолинейной настойчивостью.

Денис поднялся на ноги, окидывая её фигуру насмешливым, потеплевшим взглядом.

— Сиди у огня, Захарова, отогревайся. Посмотрим, чем богат здешний погреб Петра Гордеича.

Он развернулся и пружинистым шагом направился в кухонную зону мастер-люкса. Кухня была отделена от жилого пространства широким барным островом из монолитного шлифованного сланца тёмно-серого оттенка. Здесь всё дышало основательностью: тяжелые дубовые фасады шкафов, подвесы из кованого железа и массивная плита, запитанная от автономного газового баллона.

Шахов открыл настенный шкаф, перебирая содержимое. В тишине раздался глухой стук деревянных ящиков.

— Смотритель оставил неприкосновенный запас, — донеслось из-за открытой дверцы шкафа. — Наш ужин обещает быть сытным.

Алина осторожно поднялась с ковра. Ступни налились упругим, живым теплом, по телу разлилась приятная истома. Подтянув подол длинного кашемирового свитера, она медленно подошла к кухонному острову и взобралась на высокий барный стул с мягким кожаным сиденьем. Опустив босые пятки на хромированную перекладину ножки стула, она наблюдала за действиями мужчины.

Видеть Дениса Шахова — человека, ворочающего миллиардными инвестициями и наводящего трепет на совет директоров — у кухонной плиты казалось поразительным зрелищем. Он отыскивал сотейник среди незнакомой посуды, пробовал конфорки и переставлял найденное поближе к огню. Алина поймала себя на желании подсказать ему, где лежит нож.

На газовой конфорке с мягким шипением вспыхнул ровный синий венчик пламени. Денис водрузил на огонь тяжёлый медный сотейник с длинной ручкой. Из кладовой он извлёк две запylённые стеклянные бутылки — тёмно-бордовое, густое сухое каберне из частных заповей усадьбы. Стеклянный бок бутылки глухо звякнул о край сотейника, когда тёмно-рубиновая струя хлынула на горячую медь, моментально взрываясь виноградным паром.

Следом за вином в ход пошла большая глиняная банка с притертой крышечкой, снятая с верхней полки. Мужская рука щедро зачерпнула содержимое: в сотейник полетели палочки тёмно-коричневой корицы, ребристые звездочки бадьяна, горсть душистой сушёной гвоздики и щедрая пригоршня янтарных апельсиновых корок.

Через пару минут пространство кухни заполнилось пьянящим ароматом. Запах пряного цитруса, вина и древесной смолы вытеснил последние следы сырости, создавая удивительное ощущение покоя среди бушующего за стеклом снежного шторма.

Денис достал из буфета тяжёлую доску из бука и длинный разделочный нож с клинком из кованой стали. Из вакуумной упаковки на доску лёг увесистый брусок сыровяленой говядины глубокого гранатового цвета и кусок твёрдого горного сыра с прожилками пряных трав. Нож в его пальцах двигался с легкостью: тончайшие лепестки мяса и ломти янтарного сыра ровным веером ложились на деревянную поверхность. Он добавил на доску несколько ломтей подсушенного ржаного хлеба с тмином, хранившегося в плотно закрытом глиняном коробе.

— Ресторанной подачи с серебряными приборами не обещаю, Захарова, — Шахов пододвинул доску прямо к ней. — Но калории твоему организму сейчас жизненно необходимы. Пробуй.

Алина взяла тонкий ломтик вяленой говядины. Мясо таяло на языке, наполненное вкусом диких трав, соли и можжевельника. Голод отступил с первым же кусочком, сменяясь чистым удовольствием. Она взяла кусочек сыра, ощущая терпкий пряный привкус альпийских трав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.